МАТЕРИАЛЫ XVII МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ВОСТОК И ЗАПАД: ПРОБЛЕМЫ СИНХРОНИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ»

Пленарные доклады

УДК 902 (075.8) (571.1/5)
DOI: 10.17223/19988613/42/1

Л.Ю. Китова, Л.А. Чиндина

В.Н. ЧЕРНЕЦОВ: ПУТЬ В НАУКУ И МЕТОДОЛОГО-МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (№ 33.1175.2014/К).

Анализируются методологические подходы и методы, используемые в археологии известным исследователем Сибири В.Н. Чернецовым. Его мировоззрение было палеоэтнологического направления. В археологических исследованиях он использовал комплексный подход и широкие этнографические параллели в решении вопросов происхождения археологических культур, а также рассматривал археологию, этнографию, лингвистику и антропологию как неразрывно связанные дисциплины, которые в синтезе должны помочь в решении проблем этногенеза сибирских народов. Впервые вводятся в научный оборот некоторые неизвестные факты жизни и деятельности исследователя.

Ключевые слова: история сибирской археологии; методология; культура; В.Н. Чернецов.

Современное состояние отечественной археологии таково, что теоретико-методологические вопросы не воспринимаются научным сообществом как актуальные. Длительное существование отечественной науки в изоляции от мировой, а также следование марксизму как единственно верному философскому направлению привели в постперестроечную эпоху к плюрализму идей. На сегодняшний день в истории науки отмечается эклектичность использования подходов, принципов и методов, проникших в археологию из различных философских течений [1. С. 11–20; 2. С. 40–41]. С накоплением источников серьёзно пересматриваются старые схемы, что естественно. Однако подчас неоправданно активно предлагаются ревизия и некорректная критика фундаментальных понятий (археологическая культура, культурно-историческая общность, этничность), надёжно отработанных методов, особенно важнейшего в археологии, приводящего источники в систему – сравнительно-типологического метода как одну из форм сравнительно-исторического.

На наш взгляд, возвращение на новом уровне к разработке теоретико-методологических проблем археологии возможно после скрупулезного изучения опыта наших предшественников по наиболее важным вопросам теории и методологии науки. И в данном случае полезно обратиться к корифеям отечественной археологии, занимавшимся изучением археологических памятников Западной Сибири.

1950-е гг. ознаменовались выходом в свет крупнейших обобщающих работ по древней и раннесредневековой истории Сибири целой плеяды классиков оте-

чественной науки. Среди них достойное место занимают труды Валерия Николаевича Чернецова. Его исследования поражают мощностью территориально-хронологического (бассейн крупнейших рек Сибири – Оби и Иртыша и сопредельных территорий, от неолита до XIII в. н.э.) и культурологического размаха, глубиной, логикой и многообразием творческой мысли учёного, умевшего убеждать читателя и собеседника в значимости поднятых проблем. Причём, что очень ценно для историка, его исследования свободны от каких-либо воздействий и полностью самостоятельны.

С 1980-х гг. стало хорошей традицией в юбилейные даты Учёного и Учителя посвящать Западносибирские археолого-этнографические конференции его памяти. Прежде всего потому, что методолого-методические подходы по культурно-этнической истории в работах В.Н. Чернецова не утратили своей актуальности, несмотря на пересмотр ряда конкретно-исторических гипотез в свете новых источников и научных открытий. Способность концептуально мыслить, глубокое видение этничности, как неотъемлемого свойства любого народа, и интуиция большого ученого, умение рассмотреть за археологическими остатками культуру и создавший ее этнос позволили Валерию Николаевичу при крайне ограниченной источниковой базе того времени обозначить стратегические направления исследований по истории древнего населения Урало-Сибирского региона.

В.Н. Чернецов (1905–1970) не сразу пришел в гуманитарную науку, его интерес к археологии и этнографии был обусловлен путем, который он проделал в

сложное и бурное время политических и социально-экономических перемен первой трети XX в. в России.

Валерий Николаевич происходил из семьи потомственного почетного гражданина, известного московского архитектора, окончившего Московское училище живописи, ваяния и зодчества Николая Николаевича Чернецова (1874–1944) [3. Л. 3]. Как гласит семейная традиция, Николай Николаевич от своего отца, промотавшего в карты все, что было, унаследовал одни долги. Из гордости он отказался от банкротства и годами платил по его счетам. Н.Н. Чернецов был женат на Марье Ивановне из старого семейства полтавских купцов и промышленников Барбашевых. Супруги Чернецовы воспитывали троих детей: старших дочерей – Милицью, Галину, и сына – Валерия, которого дома все звали Вале́й. В Москве у семьи Чернецовых были собственный большой доходный дом на Басманной, который после революции 1905 г. был продан, и приобретено несколько квартир, сдававшихся и обеспечивающих «не столько доход, сколько выплату всех налогов» [4]. В столице до сих пор сохранился ряд доходных домов и зданий, построенных по проектам Н.Н. Чернецова. Заработав себе потомственное почетное гражданство, Николай Николаевич мечтал отправиться на Амазонку. В его библиотеке находилось громадное множество карт, словарей, и он самостоятельно, хотя и пассивно, освоил восемь языков. После Октябрьской революции Н.Н. Чернецов отказался строить для новой системы, оставил проектную деятельность и зарабатывал на жизнь сначала в Управлении городских железных дорог, а затем преподаванием ландшафтной архитектуры в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. У матери В.Н. Чернецова Марии Ивановны несколько помутился рассудок вследствие политических передраг и потери имущества. «До последнего своего дня, а она умерла уже в 1947 г., <...> бедная старушка таскала на поясе здоровенную связку ключей от давно уже чужих дверей», – вспоминал ее внук, известный российский ученый и общественный деятель, профессор Московского архитектурного института В.Л. Глазычев [Там же].

Валерий Николаевич Чернецов до четвертого класса учился в Московской практической академии коммерческих наук. Это было среднее учебное заведение для подготовки коммерсантов в Российской империи, единственное в Москве, где изучались английский, немецкий и французский языки. В.Н. Чернецов хорошо овладел английским и слабее – немецким и французским. После революции 1917 г. академия пришла в упадок, и Чернецов продолжал среднее образование сначала в трудовой школе, а в 1920 г. поступил на биологическое отделение Пречистенского рабочего факультета, который в 1921 г. был преобразован в институт. Летом 1921 г. Валерий Николаевич прошел практику на биологической станции под Москвой, однако уже зимой 1922 г. перевелся в Московский электротехнический институт, в котором учился до лета 1923 г., а

затем уехал в экспедицию на Северный Урал в качестве радиотехника [3. Л. 4, 11].

Племянник Валерия Николаевича В.Л. Глазычев вспоминал: «В 18-м он (В.Н. Чернецов. – Л.К., Л.Ч.), в гимназической форме, произносил страстные речи во дворе клуба анархистов (где нынче театр Ленком), но за две недели до ареста и истребления большинства завсегдатаев этого места родители уговорили дяденьку поступить на курсы радистов. Дядя Валя курсы окончил и был направлен к самоедам в Арктику, на метеостанцию» [4]. Видимо, даты в семейной традиции стерлись. В 1918 г. Чернецову было 13 лет и в период Гражданской войны была проблематична организация экспедиции из столицы. А вот резкая смена деятельности Чернецовым в 1923 г. давно нас наводила на размышления о её причинах. Возможно, Валерий Николаевич и испытывал юношеские симпатии к анархистам и в 1921–1923 гг. участвовал в каких-то мероприятиях, организованных ими. Например, анархо-синдикалисты готовили объединительные акции, в том числе в июне 1923 г. съезд в Москве [5]. Большевики в свою очередь проводили систематические чистки от любых оппозиционеров и, возможно, по этой причине родители В.Н. Чернецова уговорили его уехать подальше от Москвы. С 1923 по 1925 г. он работал радиотехником в экспедиции, организованной Высшим геодезическим управлением на Северном Урале, в Ивдельском районе [3. Л. 5]. Именно эта экспедиция определила судьбу В.Н. Чернецова. Он долго жил среди обских угров, выучил мансийский язык и собрал великолепный материал по фольклору манси. Поездка на Урал содействовала формированию его научных интересов [6. С. 194].

В 1925 г. В.Н. Чернецов поступает на второй курс этнографического факультета Ленинградского географического института, который вскоре был объединен с географическим факультетом Ленинградского университета. Валерий Николаевич специализируется по этнографии. Его университетскими учителями были известные российские этнографы В.Г. Богораз-Тан и Л.Я. Штернберг [7. С. 6]. Он слушал лекции С.И. Руденко и С.А. Теплоухова, преподававших на географическом факультете и являвшихся сторонниками палеоэтнологического подхода. Кроме того, во второй половине 1920-х гг. этнография в России традиционно развивалась в контексте естественнонаучных дисциплин и была тесно переплетена с географией и антропологией. В.Н. Чернецов своим обучением был подготовлен к комплексным исследованиям по этнографии, археологии, лингвистике. За годы учебы (1925–1930) в ЛГУ он несколько раз, в 1925 и 1926–1927 гг., выезжал в долговременные экспедиции в районы расселения хантов и манси (обских угров), собирал этнографический материал и провел первые археологические разведки по рекам Северной Сосьве и Конде. Летом 1927 г. по заданию Музея антропологии и этнографии АН СССР В.Н. Чернецов изучал наскальные изображения р. Тагила.

Особое значение для формирования археологического интереса у В.Н. Чернецова имела Ямальская экспедиция 1928–1929 гг., организованная Уральским комитетом Севера для обследования населения и хозяйства тайги и тундры во главе с В.П. Евладовым [8]. Исследователем проведены раскопки и сборы на р. Пяседай, мысу Хаэн-Сале и Тиулей-Сале и была поставлена задача сравнить современную культуру ямальских ненцев с культурой древних жителей полуострова [9]. В 1933–1935 гг. В.Н. Чернецовым были проведены разведки в Нижнем Приобье по левому берегу р. Северной Сосьвы между селом Сартынья и устьем р. Сартынья, а также в окрестностях села Саранпаул на р. Ляпин [10].

В ленинградский период деятельности (1925–1940) ученого много времени занимали полевые исследования, сбор разнообразнейших материалов по этнографии, фольклору, лингвистике, верованиям, искусству народов Обского Севера [11]. К началу 1940-х гг. он успел совершить десять тяжелейших экспедиций и полевых экскурсов длительностью от трех месяцев до двух лет [7. С. 7]. Поступив по окончании Ленинградского университета (1930) на работу в Институт народов Севера, В.Н. Чернецов работает над созданием мансийской письменности. Итогом работы станет издание мансийского букваря, мансийско-русского словаря и грамматики мансийского языка [12–15]. Обращение В.Н. Чернецова к лингвистике не случайно, он полагал, что изучение современного этноса, его языка позволит исследовать историю народа от современности вглубь веков.

В 1940 г. Валерий Николаевич переводится в Москву и становится сотрудником ГАИМК. В московский период его деятельности (1940–1970) археологические исследования выходят на первый план. В 1942 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Основные этапы истории Приобья с древнейших времен до X в. н.э.» [7. С. 8]. В 1945 г. В.Н. Чернецов возглавил Северобарбинскую экспедицию, перед которой стояла цель провести разведки по р. Иртышу от г. Омска до г. Тары [16]. В 1946 г. он руководил Мангазейской экспедицией, в задачи которой входило обследование городища XVII в. Мангазея, а также были раскопаны ряд поселений, в том числе Салехард I, эпохи бронзы, Зеленая горка раннего железного века [17, 18].

В 1948–1952 и 1955–1956 гг. В.Н. Чернецов – начальник Западносибирской экспедиции, которая проводит обширные археологические исследования по правому берегу р. Оби. Были раскопаны городище Сузгун, датированное XIV в., жертвенное место Сузгун II и городище Потчеваш близ Тобольска, многослойное поселение Большой лог близ Омска, городище Жилье и Андрюшкин городок на Андреевском озере и др. [19–22].

Итогом археологических исследований В.Н. Чернецова стали труды «Древняя история Нижнего Приобья» и «Нижнее Приобье в I тыс. н.э.», в которых впервые были систематизированы древности региона, выделен ряд археологических культур и дана периодизация

культурно-исторического развития от неолита до XIII в. Кроме того, в этих работах Валерий Николаевич углублял разработку приаральской гипотезы формирования финно-угорских народностей [21, 22], выдвинутую им впервые в «Очерке этногенеза обских югров» [23], освещенную также в докладе на совещании по методологии этногенетических исследований [24].

При разработке проблемы о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы В.Н. Чернецов высказал принципиальное соображение о роли орнамента для установления этнической общности [Там же. С. 24–25]. В своих изысканиях он большое место отводил самому массовому материалу, керамике, которая позволяла проследить общее и особенное в орнаменте на соседних территориях, его развитие и изменение. Он исходил из того, что существование и изменение орнамента тесно связаны с сохранением и изменением его семантики, определяемой мировоззрением общества [Там же. С. 25]. Этнографические параллели давали возможность составить основу доказательств. Так, например, В.Н. Чернецов находил полное тождество между штампованными узорами на керамике зеленогорского времени и на берестяной посуде хантов и манси и считал, что оба орнамента «были изображениями следов, заменивших собой животных – тотемных апотропеев» [25. С. 69]. В целом исследователь пришел к выводу, что «территория распространения различных групп гребенчатой керамики соответствует распространению финно-угорских языков и в носителях культур гребенчатой керамики можно видеть финно-угорские племена в различных фазах их развития» [24. С. 25].

В начале 1950-х гг. В.Н. Чернецовым была выдвинута идея единой урало-сибирской культурно-этнической общности в эпоху неолита. В пределах этой общности он выделил четыре провинции со специфическими чертами в гребенчатом орнаменте: прикамскую, уральскую, западносибирскую и нижнеобскую [Там же. С. 26–27]. В «Древней истории» В.Н. Чернецов развивает эту идею и в состав культурно-этнической общности включает не только Урал и Западную Сибирь, но и Казахстан [25. С. 56–59]. К началу 1970-х гг. он теоретически обосновывает выделение трех этнокультурных ареалов в лесной и субарктической зонах Евразии: урало-сибирский, байкало-ленский и даурский. Важнейшим культурно- и этноопределяющим признаком Чернецов считал керамику [26. С. 10–17]. Местом формирования урало-сибирской общности он определил Приаралье, подтверждение этому находил в сходстве материальной культуры и орнаментации керамики урало-сибирских провинций с памятниками кельтеминарской культуры Приаралья. Причину движения племен из Приаралья исследователь связывал с развитием хозяйства, технологий и ростом численности населения. В.Н. Чернецов полагал, что движение племен шло двумя основными потоками по обе стороны Уральского хребта, послужив «одним

из оснований к разделению первичной общности на две группы и выделению из прото-финно-угорского языка – основы двух ветвей, в дальнейшем давших угорские (к востоку от Урала) и финские (к западу от Урала) языки» [24. С. 27–28].

В.Н. Чернецов отмечал, что в эпоху бронзы лесные районы Зауралья и Приобья испытывали более сильное влияние с юга, со стороны носителей андроновской культуры [25. С. 58]. В памятниках раннего железного века им было выявлено сочетание двух компонентов – арктического северного и южного степного. Сходство с южными культурами проявилось, по его мнению, в распространении оружия скифо-сарматских форм, в господствующей форме усть-полуйской керамики, имитирующей скифский бронзовый котел на поддоне, в орнаменте. Также в усть-полуйской культуре (IV в. до н.э. – I в. н.э.) исследователь обнаружил черты, близкие как к древним, так и современным культурам северо-востока Азии. Он наблюдал сходство не только в формах хозяйства, уровне технологий, но и «в чертах и деталях, которые могут явиться лишь следствием этнического общения», относя к таковым «единообразие в конструкции собачьей упряжи, сходство уздечки для оленя-манщика с подобными уздечками у тунгусов и чукотской ездовой уздечкой, сходство в деталях конструкции жилищ с некоторыми протоэскимосскими» и др. [27. С. 235–236].

Валерий Николаевич разработал гипотезу происхождения и расселения хантов и манси, обратив внимание на их взаимоотношения с самодцами. Он считал, что угорские племена в районе Томско-Нарымской Оби были в Средневековье ассимилированы самодийцами. В.Н. Чернецов пришел к выводу, что «около I тыс. до н.э. степные и лесостепные территории, лежащие к югу от тогдашней тайги, были населены древнеугорскими племенами, переходившими в то время от пастушеского скотоводства к кочевому коневодству. Вся территория лесной полосы и далее на север до арктического побережья представляла область расселения смешанных племен, пришедших сюда еще в неолите с юга и востока» [Там же. С. 237–238].

Таким образом, появление усть-полуйской и родственных ей лесных культур, например потчевашской, исследователь связывал с приходом на север угорских племен. Более того, по его мнению, потчевашская культура стала исходной при формировании усть-полуйской, а средневековая нижеобская (II–XIV вв.), пережившая несколько этапов, продолжала угорские традиции и фиксировала формирование манси и хантов. С севера и юго-запада они контактировали с палеоазиатами и самодийцами (селькупам) [22. С. 238–241].

В 1957–1960 гг. В.Н. Чернецов продолжил изучение наскальных изображений Урала. К 1970 г. он обобщил накопленные данные в докторской диссертации, защитить которую он не успел [28], но материалы были изданы [29]. В ней учёный рассмотрел специфику уральской символики и иконографию наскальных изображе-

ний, а также их особое место в ряду других групп – ангарской, томской, норвежской. Он интерпретировал их как источник для реконструкции этносоциальных, мировоззренческих и экологических особенностей древних угорских культур [30].

В 1950-е гг. почти не рассматривались ни история научной мысли, ни особенности теоретико-методологических направлений либо они велись по касательной. Этому способствовали общее развитие философии в стране, находившейся в русле универсальных «больших» теорий, а также неподготовленность археологов к самостоятельному философскому методологическому анализу. Он начался только в 1960-е гг.

Конкретно-исторические исследования и обобщающие работы В.Н. Чернецова основаны на определённых методологических подходах, хотя до конца 1960-х гг. он их целенаправленно не формулировал. Только в поздних своих работах он чётко изложил принципы и позиции процедуры исследования историко-культурных процессов и формирования этнокультурных ареалов у аборигенов лесной и субарктической зон Урала и Сибири [26; 28–31].

Конечной целью исследований В.Н. Чернецова была реконструкция истории древнего населения северо-запада Западной Сибири. Начинать реконструкцию он предлагал с систематизации всего археологического материала и установления генетического единства между культурами и общностями, что он фактически и изложил в своей схеме [21, 22].

На итоговом этапе единство можно рассматривать и в этническом аспекте, имея в виду не отдельные народности, а крупные этнолингвистические общности, и попытаться (хотя бы гипотетически) увязать с той или иной конкретной языковой семьёй (предлагал назвать их этнокультурными ареалами), указывая, что этот процесс шёл на широкой территории, хотя первоначально она могла быть достаточно ограниченной. При выделении этнокультурных ареалов он «руководствовался некоторыми исходными предпосылками, частью умозрительными, а частью основанными на эмпирических данных» [31. С. 113]. Особое место в его исследованиях занимала угорская общность.

Основным объектом изучения для учёного была культура, а точнее археологические остатки её материального выражения. Культура рассматривалась им как динамичная, многообразная система, развивающаяся под воздействием природной и общественной среды. Поэтому необходим скрупулёзный сравнительно-типологический анализ на микро- и макроуровнях всех её характеристик в культурно-хозяйственном и этнокультурном аспектах. В.Н. Чернецов предлагал, выявляя культурно-хозяйственный аспект, сопоставлять на разных исследуемых территориях внешнюю среду, главным образом ландшафтно-экологического своеобразие региона и внутреннее развитие его населения, т.е. хозяйственный быт, типы жилищ, основные категории инвентаря в их функциональном значении. Это дает

возможность выявить в первую очередь специфику культуры отдельного района.

Основными этнокультурными показателями он считал не функциональные, а технические особенности орудийной деятельности, выражающиеся в приёмах обработки и передающиеся по наследству (традиция). Ещё большую роль имеют орнамент и другие формы изобразительной деятельности. Его анализ орнаментов во многом превосходил современные семиотические разработки. Выявленные специфические и традиционные черты составляют типическую модель культуры, отражаются в её материальной, духовной и социальной сферах [26. С. 11; 31. С. 113–114].

Валерий Николаевич предостерегал от случайных, непроверенных аналогий: любые из них следует рассматривать в комплексе традиционных черт, что позволит проконтролировать степень их близости или отдалённости.

В целом он считал, что при выделении этнокультурных ареалов и культур необходимо привлекать данные смежных дисциплин: антропологии, археологии, этнографии и лингвистики. «Все материалы, вместе

взятые, дают возможность подойти к вопросу как с древнейшей поры, так и ретроспективно от исторической современности, что в какой-то степени позволяет контролировать выводы» [26. С. 12].

В.Н. Чернецов, отталкиваясь от палеоэтнологического подхода, разработал собственную методологию, в меру приглядываясь к разработкам зарубежных учёных. В известной мере его взгляды перекликались с некоторыми идеями исторической школы Ф. Боаса, в частности понимание необходимости и тщательности изучения культуры каждого народа [32–35], причём при оценке обычаев разных этносов нужно помнить, что они индивидуальны. Главными принципами исследовательской работы В.Н. Чернецова были историчность, междисциплинарный подход, системный анализ историко-культурных процессов, культур и общностей с акцентом на этнический аспект. Такой методологический подход остаётся актуальным. Идеи В.Н. Чернецова подпитывают современную науку, заставляют вести дискуссии по разным сюжетам, являются школой научного поиска для молодого поколения исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурун А.К. Статус реконструкции в фольклорно-этнографических исследованиях // Традиционное сознание: проблемы реконструкции. Томск, 2004. С. 11–20.
2. Мельникова О.М. Методология современной отечественной археологии: стихия традиции или поиск обоснованного выбора? // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 40–41.
3. Личное дело Чернецова Валерия Николаевича // Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 337. Л. 1–33.
4. Глазых В. Померанцев переулочек // Отечественные записки. 2014. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru>, свободный (дата обращения: 21.05.2016).
5. Рублёв Д. Анархисты в Советской России 1922–1953: Стратегии борьбы и выживания в условиях диктатуры. URL: <http://www.aitrus.info/node/4586>, свободный (дата обращения: 22.05.2016).
6. Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Валерий Николаевич Чернецов // Советская этнография. 1970. № 4. С. 194–196.
7. Косарев М.Ф. Валерий Николаевич Чернецов: ученый, человек, учитель (1905–1970) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Чернецова. М.: Институт археологии РАН, 2006. С. 6–16.
8. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на крайний север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 1992. 281 с.
9. Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 109–133.
10. Чернецов В.Н. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935) // Советская археология. 1937. Вып. 3. С. 254–256.
11. Решетов А.М. В.Н. Чернецов: Ленинградский период жизни и деятельности (1925–1940 гг.) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 33–36.
12. Чернецов В.Н. Новый путь. Начальная мансийская учебная книга. Л.: Учпедгиз, 1932. 80 с.
13. Чернецов В.Н. Советский Север. Книга по обучению грамоте для начальных школ Севера. Л.: Учпедгиз, 1932. 64 с.
14. Чернецов В.Н. Мансийский (вогульский) язык. Очерк фонетики, морфологии и синтаксиса // Языки и письменность народов Севера. Л., 1937. Т. 1. С. 163–192.
15. Чернецов В.Н., Чернецова И.Я. Краткий мансийско-русский словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 213 с.
16. Чернецов В.Н. Отчет о разведках в Омской области // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. № 17. С. 79–91.
17. Чернецов В.Н. О работах Мангазейской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. № 21. С. 159–162.
18. Чернецов В.Н. Зеленая горка близ Салехарда // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. № 25. С. 67–74.
19. Мошинская В.И., Чернецов В.Н. Городище Большой Лог // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. № 37. С. 78–87.
20. Мошинская В.И., Чернецов В.Н. Городище Андришин городок // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. № 51. С. 93–98.
21. Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья (МИА, № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 360 с.
22. Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. (Материалы и исследования по археологии. № 58). М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 136–245.
23. Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских угров // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1941. № 9. С. 18–28.
24. Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. М.: ИИМК АН СССР, 1951. С. 24–29.
25. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья (Материалы и исследования по археологии, № 35). М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 7–71.
26. Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. Сборник статей, посвященный памяти В.Н. Чернецова. М.: Наука, 1973. С. 10–17.

27. Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья (Материалы и исследования по археологии, № 35). М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 221–241.
28. Чернецов В.Н. Опыт выделения этнокультурных ареалов в Северо-Восточной Европе и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. С. 112–119.
29. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970. 62 с.
30. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Часть вторая // Свод археологических источников. В4.12. М. : Наука, 1971. 120 с.
31. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Уральского ареала // Проблемы происхождения и древней истории угров : сб. ст., посвящ. памяти В.Н. Чернецова. М. : Наука, 1972. С. 23–55.
32. Боас Ф. Ум первобытного человека. М. ; Л., 1926; М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 153 с.
33. Boas F. The Mind Of Primitive Man .New York: The Macmillan Company, 1911. 332 p.
34. Boas F. General Anthropology. Boston, New York [etc.]: D.C. Heath and Company, 1938. 741 p.
35. Boas F. Race, language and culture. New York : The Macmillan Company, 1940. 648 p.

Kitova Lyudmila Yu. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: lyudmila.kitova@mail.ru; Chindina Lyudmila A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: chindina37@mail.ru

V.N. CHERNETSOV: THE WAY TO SCIENCE AND METHODOLOGICAL AND METHODICAL HERITAGE.

Keywords: history of Siberian archaeology; methodology; culture; V.N. Chernetsov.

The article is dedicated to the analysis of the heritage and foundations of the methodological research on ethnic and cultural history of the Ural and Siberian peoples by the prominent scientist V.N. Chernetsov. There is a brief overview of the researcher's way to humanitarian scientific sphere; unknown facts of his life are given. The main directions and milestones of his scientific activity are shown. The first direction was the conduction of numerous archaeological and ethnographic expeditions in the forest regions of Western Siberian Arctic, Ural and Trans-Ural, Lower Ob-river and Lower Irtysh-river basins. The second was the creation of strong generalizing territorial and chronological scheme of the cultural and historical development of Ural and Siberian peoples from the Neolith to the Middle Ages. He set priorities for Ust-Poluy and Potchevash cultures, considering them as the basis for Ugric peoples of Western Siberia (Khanty, Mansi, partly Hungarians). Detecting ethnic and cultural areas the scientist considered them as large ethnic and linguistic communities (the Ugric, Samoyed and Paleoasian ones). He had been most consistently elaborating the Ugric constituent of the cultural and historical processes. Methodologically the researcher started from the paleoethnologic school of the Russian science. He considered culture as the main object of study and as a dynamic diverse system developing under the effect of natural and social environment. The main V.N. Chernetsov's principles of scientific work were historicity, interdisciplinary (including physical anthropology, archaeology, ethnography, linguistics and geography) approach, system analysis of historical and cultural processes, cultures and communities. His basic method was the comparative-historical one, which includes detection of ethnic and cultural specifics in ornamental designs, art activity (bronze molding, bone and clay sculpture, specificity in construction, technology, artifacts, dressing etc.). The most important culture defining sign perceived by him were ornamental designs as the semantic indicator passing from generation to generation and becoming a tradition. Basing upon genetic and retrospective analysis the researcher studied the dynamics of ethnic and cultural development. Methodological approaches of Valery N. Chernetsov have not lost their actuality, in spite of revision of a number of specific historical hypotheses (chronology and ethnic attribution of Ust-Poluy and Potchevash cultures at Zelyonaya Gora stage).

REFERENCES

1. Bayburin, A.K. (2004) Status rekonstruktsii v fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniyakh [The status of the reconstruction in the folklore and ethnographic studies]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Traditsionnoe soznanie: problemy rekonstruktsii* [The traditional mind: the problem of reconstruction]. Tomsk: NTL. pp. 11–20.
2. Melnikova, O.M. (2007) [The methodology of modern Russian archeology: Tradition or search for the informed choice?]. *XVII Ural'skoe arkhologicheskoe soveshchanie* [The 17th Ural Archaeological Meeting]. Proc. of the Research conference. Ekaterinburg; Surgut; Magellan. pp. 40–41. (In Russian).
3. *The Manuscript Archive of the Institute of History of Material Culture*. Fund 35. List 5. File 337.
4. Glazychev, V. (2014) Pomerantsev pereulok [Pomerantsev Lane]. *Otechestvennye zapiski*. 2. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru>. (Accessed: 21st May 2016).
5. Rublev, D. (n.d.) *Anarkhisty v Sovetskoy Rossii 1922–1953: Strategii bor'by i vyzhivaniya v usloviyakh diktatury* [Anarchists in Soviet Russia, 1922–1953: Strategies of combat and survival under dictatorship]. [Online] Available from: <http://www.airrus.info/node/4586>. (Accessed: 22nd May 2016).
6. Vasiliev, V.I., Simchenko, Yu.B. & Sokolova, Z.P. (1970) Valeriy Nikolaevich Chernetsov [Valery Tchernetsov]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 194–196.
7. Kosarev, M.F. (2006) Valeriy Nikolaevich Chernetsov: uchenyy, chelovek, uchitel' (1905–1970) [Valery Tchernetsov: scholar, man, teacher (1905–1970)]. In: Kosarev, M. (ed.) *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii. Pamyati V.N. Chernetsova* [The worldview of ancient and traditional societies of Eurasia. In the memory of V. Chernetsov]. Moscow: Institute of Archaeology RAS. pp. 6–16.
8. Evladov, V.P. (1992) *Po tundram Yamala k Belomu ostrovu. Ekspeditsiya na krajniy sever poluostrova Yamal v 1928–1929 gg.* [Through the Yamal tundra to the White Island. The expedition to the extreme north of the Yamal Peninsula in 1928–1929]. Tyumen: Institute of the Problems of Northern Development, SB RAS.
9. Chernetsov, V.N. (1935) Drevnyaya primorskaya kul'tura na poluostrove Yamal [The ancient maritime culture on the Yamal Peninsula]. *Sovetskaya etnografiya*. 4–5. pp. 109–133.
10. Chernetsov, V.N. (1937) Komandirovka v Berezovskiy rayon Ostyako-Vogul'skogo okruga (1935) [The trip to Berezovsky district of Ostyako-Vogulsk County (1935)]. *Sovetskaya arkhologiya*. 3. pp. 254–256.
11. Reshetov, A.M. (2005) V.N. Chernetsov: Leningradskiy period zhizni i deyatel'nosti (1925–1940 gg.) [V.N. Chernetsov: The Leningrad period of life and activity (1925–1940)]. In: Chindina, L.A. (ed.) *Problemy istoriko-kul'turnogo razvitiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of historical and cultural development of ancient and traditional societies of Western Siberia and adjacent territories]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 33–36.
12. Chernetsov, V.N. (1932) *Novyy put'. Nachal'naya mansiyskaya uchebnaya kniga* [The new way. The elementary Mansi educational book]. Leningrad: Uchpedgiz.
13. Chernetsov, V.N. (1932) *Sovetskiy Sever. Kniga po obucheniyu gramote dlya nachal'nykh shkol Severa* [The Soviet North. The book on literacy for elementary schools in the North]. Leningrad: Uchpedgiz.

14. Chernetsov, V.N. (1937) Mansiyskiy (vogul'skiy) yazyk. Ocherk fonetiki, morfologii i sintaksisa [The Mansy (Vogul) language. An essay on phonetics, morphology and syntax]. In: Prokofiev, G.N. (ed.) *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and literature of the peoples of the North]. Vol. 1. Leningrad: Uchpedgiz. pp. 163-192.
15. Chernetsov, V.N. & Chernetsova, I.Ya. (1936) *Kratkiy mansiysko-russkiy slovar'* [The Brief Mansy-Russian Dictionary]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz.
16. Chernetsov, V.N. (1947a) Otchet o razvedkakh v Omskoy oblasti [Report on the survey in Omsk Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 17. pp. 79-91.
17. Chernetsov, V.N. (1947b) O rabotakh Mangazeyskoy ekspeditsii [On the Mangazeya expedition]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 21. pp. 159-162.
18. Chernetsov, V.N. (1949) Zelenaya gorka bliz Salekharda [Zelenaya gorka near Salekhard]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 25. pp. 67-74.
19. Moshinskaya, V.I. & Chernetsov, V.N. (1951) Gorodishche Bol'shoy Log [The ancient town Bolshoy Log]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 37. pp. 78-87.
20. Moshinskaya, V.I. & Chernetsov, V.N. (1953) Gorodishche Andryushin gorodok [The ancient town Andryushin Gorodok]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 51. pp. 93-98.
21. Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. (1953) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [The ancient history of the Lower Ob]. Moscow: USSR AS.
22. Chernetsov, V.N. (1957) *Nizhnee Priob'e v I tys. n.e.* [The Lower Ob in the 1st millennium AD]. Moscow: USSR AS. pp. 136-245.
23. Chernetsov, V.N. (1941) Ocherk etnogeneza obskikh ugrov [An essay on ethnogeny of the Ob Ugrians]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 9. pp. 18-28.
24. Chernetsov, V.N. (1951) K voprosu o meste i vremeni formirovaniya finno-ugrskoy etnicheskoy gruppy [On the place and time of formation of the Finno-Ugric ethnic groups]. In: *Tezisy dokladov i vystupleniy sotrudnikov IIMK AN SSSR, podgotovlennye k soveshchaniyu po metodologii etnogeneticheskikh issledovaniy* [Abstracts of the presentations and reports of researchers from the USSR Institute of History of Material Culture prepared for the meeting on the methodology of ethno-genetic research]. Moscow: USSR institute of history of Material Culture. pp. 24-29.
25. Chernetsov, V.N. (1953a) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [The ancient history of the Lower Ob]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. (1953) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [The ancient history of the Lower Ob]. Moscow: USSR AS. pp. 7-71.
26. Chernetsov, V.N. (1973) Etnokul'turnye arealy v lesnoy i subarkticheskoy zonakh Evrazii v epokhu neolita [Ethno-cultural areas of the forest and subarctic zones of Eurasia in the Neolithic Age]. In: Smirnov, A.P. (ed.) *Problemy arkheologii Urala i Sibiri. Sbornik statey, posvyashchenny pamyati V.N. Chernetsova* [Problems of archeology of the Urals and Siberia. The collection of articles dedicated to the memory of V.N. Chernetsov]. Moscow: Nauka. pp. 10-17.
27. Chernetsov, V.N. (1953b) Ust'-poluyskoe vremya v Priob'e [The Ust'-poluysk time near the Ob]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. (1953) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [The ancient history of the Lower Ob]. Moscow: USSR AS. pp. 221-241.
28. Chernetsov, V.N. (1969) [The allocation of ethno-cultural areas in North-Eastern Europe and Northern Asia]. *Proiskhozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [The origin of Siberian natives and their languages]. Proc. of the Conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 112-119. (In Russian).
29. Chernetsov, V.N. (1970) *Naskal'nye izobrazheniya Urala* [The rock art in the Urals]. Abstract of History Doc. Diss. Moscow.
30. Chernetsov, V.N. (1971) *Naskal'nye izobrazheniya Urala. Chast' vtoraya* [The rock art in the Urals. Part 2]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. 4(12).
31. Chernetsov, V.N. (1972) *Naskal'nye izobrazheniya Ural'skogo areala* [The rock art in the Urals]. In: *Problemy proiskhozhdeniya i drevney istorii ugrov* [Problems of the origin and history of the ancient Ugrians]. Moscow: Nauka. pp. 23-55.
32. Boas, F. (2013) *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind Of Primitive Man]. Translated from English by A.M. Voden. Moscow: LIBROKOM.
33. Boas, F. (1911) *The Mind Of Primitive Man*. New York: The Macmillan Company.
34. Boas, F. (1938) *General Anthropology*. Boston, New York: D.C. Heath and Company.
35. Boas, F. (1940) *Race, language and culture*. New York: The Macmillan Company.